Индекс УДК 930.1
Код ГРНТИ 03.01.09
DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-32-43

Е.А. РОСТОВЦЕВ*

Историческая наука Петрограда–Ленинграда в условиях социальной трансформации (1917–1934)

В числе значимых объектов исследования — возникновение дискурса «петербургской исторической школы» в ранний советский период, трансформация системы научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда—Ленинграда, связанных с исторической наукой, эволюция тематики исторических исследований. В фокусе внимания также находятся процессы ликвидации историко-церковной и возникновения историко-партийной науки, взаимоотношения исторического сообщества и власти. Предлагается периодизация развития исторической науки в ранний советский период. Рассматривается роль Петроградского/Ленинградского университета как основного центра исторической науки города, изучается процесс возникновения и развития новых «советских» научных и учебных центров.

Центральным элементом исследований стали просопографические изыскания, которые позволили проследить, как менялся коллективный портрет корпорации историков. Одним из направлений статистических подсчётов стало рассмотрение динамики и направленности политических репрессий против историков, работавших в изучаемый период в Петрограде—Ленинграде. Согласно сделанным наблюдениям, репрессиям подверглось порядка трети из них. При этом наибольший масштаб репрессий обрушился на учреждения Академии наук и, как ни парадоксально, на новые «идеологические» советские учреждения. В то же время просопографические изыскания показывают, что, несмотря на репрессии и трансформации, в учреждениях Петрограда—Ленинграда сохранялись высокая степень преемственности между разными поколениями историков и основные научные школы, сформированные в дореволюционный период. На основе этих наблюдений выдвигается обоснованное предположение о сохранении традиций профессионального ремесла в рамках ленинградской исторической школы, хотя и подвергнутых существенной деформации в условиях тоталитарного политического режима.

Ключевые слова: история науки, Петербургская историческая школа, советская историография, Петроградский/Ленинградский университет, Академия наук, сталинизм

* **Ростовцев Евгений Анатольевич** — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «Историческая наука Петрограда—Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография» (19-011-00782).
E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

Основные исследовательские вопросы проекта

Проблемное поле заявленной темы чрезвычайно широко. С одной стороны, историческая наука развивается в рамках определённых корпоративных институций и практик — научных и образовательных учреждений, научных школ, журналов, в рамках установленных и освещённых традицией методологических практик. С другой стороны, очевидно, что история является идеологической дисциплиной, а историография — важным инструментом политики памяти. Следует принимать во внимание и топос *петербургской исторической школы*, о котором давно ведутся споры в историографии, а также то немаловажное для неё обстоятельство, что Петроград утратил в 1918 г. столичный статус.

Обозначим ключевые исследовательские вопросы темы. Как формировался дискурс петербургской—петроградской—ленинградской исторической школы в исторической литературе? Каковы современные исследовательские перспективы его изучения? Как происходила трансформация ведущих центров исторической науки Петрограда—Ленинграда в раннее советское время? Как изменился ландшафт исторической науки Ленинграда в 1920-е – начале 1930-х гг.? Как проходила ликвидация историко-церковной науки? Как шло формирование новой историко-партийной науки? Как менялся коллективный портрет историков Петрограда—Ленинграда в исследуемый период? Какие перспективы открывают просопографические исследования науки и, в частности, историографии?

Схоларная проблематика в фокусе просопографии

Ответы на последние из перечисленных вопросов неразрывно связаны с усилиями коллектива проекта «Историческая наука Петрограда–Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография» по формированию обширной биографической базы данных, на которой основывается ряд изысканий, в том числе сетевой ресурс «Историки Петрограда—Ленинграда (1917–1934)», содержащий структурированные данные о 1171 персоналии [1]. Эта работа продолжила серию коллективных исследований последнего десятилетия, которые осуществляются на историческом факультете в институте истории СПбГУ в области изучения истории науки и университетского сообщества Санкт-Петербурга—Петрограда—Ленинграда [2–9].

В рамках материалов проекта «петербургская историческая школа» предстаёт как бы в двух ракурсах. С одной стороны, связанный с ней историографический дискурс складывается как раз в изучаемую эпоху. «Петербургская историческая школа» осознаёт себя как школа «восстановления прав источника и факта» и в этом смысле отграничивает себя от «социологической» московской школы (см., в частности, тексты А.Е. Преснякова [10], С.Ф. Платонова [11], С.Н. Валка [12]), а последующая историография скорее интерпретирует её установки с разных позиций [13]. С другой стороны, в новых условиях методологическая и корпоративная идентичности школы естественным образом размываются. Главные демаркационные линии в исторической науке Петрограда—Ленинграда проходят уже не по отношению к «московской школе» или разным группам/школам внутри «петербургской школы», а между «старой» и «новой» историографией, ориентированной на идеологический заказ.

В новых социальных условиях, как показывают наши наблюдения, развитие научно-исследовательских программ, сформулированных в дореволюционный период (наиболее яркий пример — школа А.С. Лаппо-Данилевского), было уже невозможно. В то же время лидирующие позиции в науке Петрограда—Ленинграда занимали представители дореволюционных «школ» С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, А.С. Лаппо-Данилевского, Д.В. Айна-

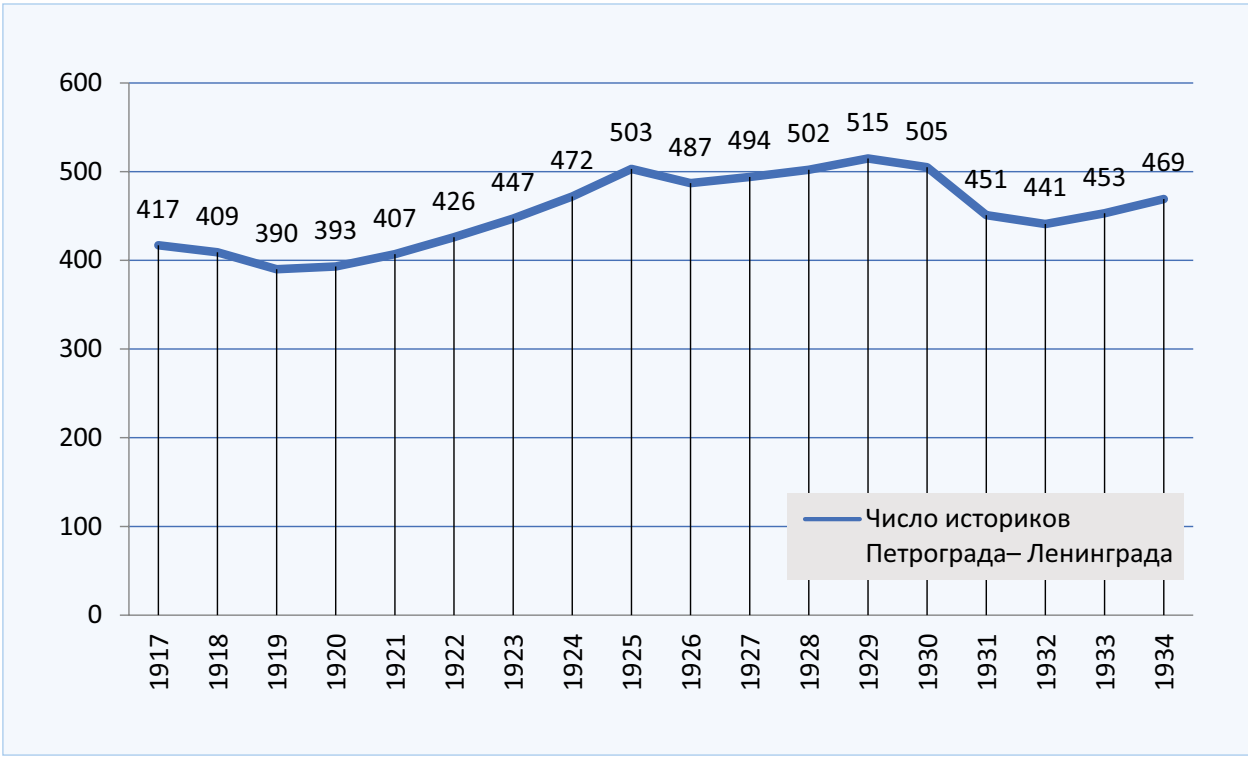

Диаграмма 1. Общее число историков Петрограда—Ленинграда (1917–1934 гг.)

Сост. Д.А. Баринов по: [1] (дата обращения: 7.11.2021)

лова, М.И. Ростовцева, Ф.Ф. Зелинского, А.А. Шахматова и других ведущих учёных дореволюционного времени (некоторые из них эмигрировали из советской России). Такая ситуация привела к своеобразному «раскрепощению» молодого поколения историков от «схоларной зависимости» и, как ни парадоксально, стимулировала многих из них к самостоятельному творческому поиску, конечно, с оглядкой на необходимость приспосабливаться к новой социальной реальности [14].

Общее число историков, работавших в различных научных и высших образовательных структурах Петрограда—Ленинграда, представлено на диаграмме 1.

Трансформация науки: основные этапы

Общие этапы, связанные с трансформацией организационной структуры исторической науки, определяются достаточно чётко, их легко проследить по большинству рассмотренных институций:

1-й этап: 1917–1922 гг.
2-й этап: 1922–1925/26 гг.
3-й этап: 1925/26–1929/1931 гг.
4-й этап: 1929/1931–1934 гг.

Первый этап (эпоха «военного коммунизма» и Гражданской войны) связан с ликвидацией абсолютного большинства негосударственных институций (вузы, общества, журналы). При этом когда речь шла об учебных заведениях, разговор вёлся не столько о ликвидации, сколько о слиянии. Так, например, в состав Петроградского университета влились бывшие Высшие Женские (Бестужевские) курсы, Психоневрологический институт, Историко-филологический институт. Исключением стали идеологически неприемлемые для режима религиозные учебные заведения, которые не смогли выжить, в частности фактически была ликвидирована церковно-историческая наука Петрограда, традиционно ориентировавшаяся на Санкт-Петербургскую духовную Академию [15]. Как показывают материалы диаграммы 1, несмотря на существенные

потери, обусловленные гибелью, миграцией из голодного Петрограда историков «старой школы», после 1919 г. начинается рост общей численности тружеников исторической науки благодаря созданию новых «советских» идеологических центров (Коммунистический университет, Истпарт, Музей революции и т.п.).

Второй этап (эпоха НЭПа) связан, с одной стороны, с дальнейшим значительным ростом численности историков Петрограда—Ленинграда, общее число которых к 1925 г. достигло рекордных цифр (исторического максимума), превысив по разным учреждениям 500 человек. Впрочем, этот рост был обусловлен и идеологическим фактором (с 1922 г. неуклонно расширяется система преподавания идеологических дисциплин в вузах) и становлением историко-партийной науки.

Третий этап (эпоха свертывания НЭПа, разгрома троцкизма, «левого» и «правового» уклонов) — время усиления государственного и партийного контроля и попыток административным образом переориентировать научные кадры в социально-гуманитарной сфере, в том числе историков, на тематику, связанную с новым социальным заказом, включая задачи «социалистического строительства». Под удар попало и первое поколение историков партии, многие из которых оказались уличены в отходе от «генеральной линии» [16].

Четвёртый этап (год «великого перелома», форсированная коллективизация и индустриализация) — эпоха ряда политических процессов против историков, массовых чисток, новых реорганизаций, падения численности историков, смены «поколений» (см., например: 17–19]).

Таким образом, трансформация ведущих центров исторической науки Петрограда—Ленинграда проходила в целом согласно логике развития политического

Ил. 1. Санкт-Петербургский университет, главное здание. Открытка, 1929 г.
https://p1.citywalls.ru/photo_451-462001.jpg?mt=1599696022

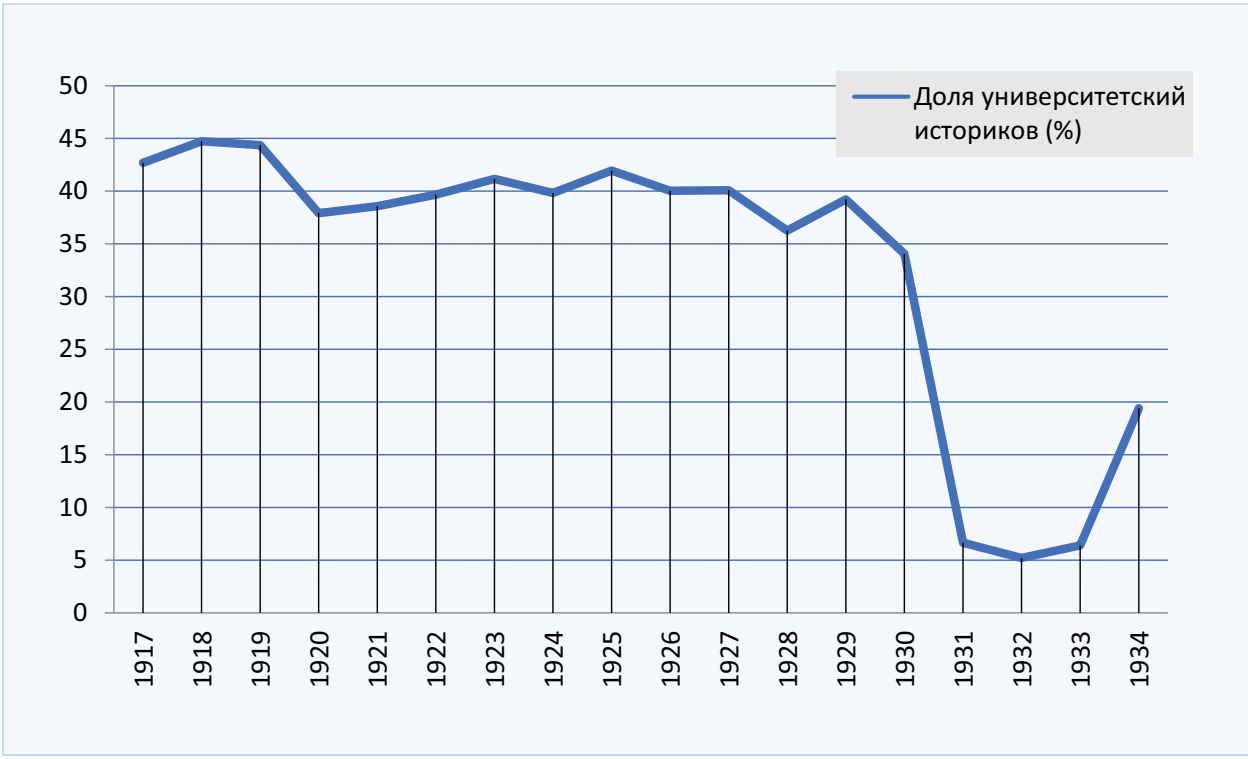

Диаграмма 2. Доля университетских историков в Петрограде—Ленинграде 1917–1934 гг.
Сост. Д.А. Баринов по: [1] (дата обращения: 7.11.2021)

режима в стране. Однако нельзя не отметить как её «равноскоростной» характер для различных учреждений, так и общую устойчивость системы институций исторической науки, которая не только в основном сохранилась, но по некоторым направлениям даже существенно расширилась в изучаемый период.

Пожалуй, наибольшим и постоянным трансформациям из «старых» институций подвергался Петроградский/Ленинградский университет (ил. 1), который по численным показателям (диаграмма 2) на протяжении большей части исследуемого периода оставался основным центром исторической науки города. К 1925 г. (к моменту очередных преобразований — создания Ямфака) среди его профессиональных исторических кадров лишь менее трети работали в университете до 1917 г., а к 1930 г. — менее одной пятой. Опережающими темпами здесь шёл и процесс наращивания партийных кадров, что, разумеется, было связано с внедрением в образовательную систему в 1920-е гг. так называемых дисциплин партминимума. Тем не менее, вплоть до 1930 г. в университете доминировали историки «старой школы» — в своём большинстве старше 40 лет, начавшие свою научную деятельность до революции. Только эпоха ЛИЛИ/ЛИФЛИ стала в этом отношении переломной — ключевым здесь был 1931/1932 г., ознаменовавшийся массовой чисткой профессорских кадров, лишь отчасти компенсированной впоследствии в рамках как исторического факультета ЛИФЛИ [20], так и воссозданного в 1934 г. исторического факультета ЛГУ [21].

Учреждения Академии наук вплоть до 1929/30 гг., напротив, сохраняли значительную степень «автономии» и устойчивости. Интересно, что особое положение Яфетического института как учреждения, развивающего идеологически близкую для режима научную концепцию, вплоть до 1931 г. не создавало для его сотрудников особой системы идеологического и организационного контроля, который наступил в начале 1930-х гг. вместе с пе-

Таблица 1

Тематика исследований историков Петрограда–Ленинграда в 1917–1934 гг.

Тема исследования	1917	1934
Отечественная история / история России	46,5%	52,9%
Освободительное движение в России (в т.ч. история ВКП(б))	2,6%	11,5%
Вспомогательные дисциплины	1,7%	3,6%
Всеобщая история (не включая историю стран Востока)	38,2%	24,4%
Востоковедение	14%	14,8%

Сост. по: Сетевой ресурс «Историки Петрограда–Ленинграда (1917–1934)» // Биографика СПбГУ / Отв. ред. Е.А. Ростовцев. Режим доступа: https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld.html (30.03.2021) (дата обращения: 7.11.2021; Сост. Д.А. Баринов).

рестройкой гуманитарных учреждений Академии. Трансформация всех рассмотренных в нашем исследовании академических структур, связанных с исторической наукой, происходила синхронно в 1929–1932 гг., совпадая по времени с аналогичными процессами во внеакадемических учреждениях, что вполне ясно подтверждает обоснованный в историографии тезис о том, что «Академическое дело» 1929–1931 гг. следует рассматривать как органичный элемент политики власти в отношении старой научной интеллигенции и симптом системной трансформации режима, его эволюции к тоталитарной модели (см., например: [22]).

Основные наблюдения и выводы

Сказанное выше, на наш взгляд, вполне подтверждает продуктивность апробированного в ряде исследовательских предприятий и публикаций принципа рассмотрения проблемы петербургской исторической школы в рамках *эмпирического измерения*, связанного с просопографическим подходом. В частности, обращаясь к тематике научных исследований историков Петрограда—Ленинграда, нельзя не отметить того внешне парадоксального обстоятельства, что в условиях идеологического господства в советской историографии «школы М.Н. Покровского», рассматривавшей Российскую империю как «тюрьму народов» и переориентировавшей образовательную политику в области истории с «истории России» на «историю классовой борьбы» в интернационалистском аспекте, в научной практике историков Петрограда—Ленинграда происходит процесс постепенного замыкания на сюжетах, связанных с национальной историей (табл. 1).

Можно вполне определённо констатировать, что «железный занавес», установленный советским режимом, и идеологический контроль над историографией способствовали её «провинциализации».

Показательно, что несомненное влияние на повестку дня мировой историографии продолжали оказывать исключительно «уходящие» историки старой школы. В области российской истории доминирующее положение также занимали либо историки «старой школы», либо их ученики. Несмотря на режим наибольшего благоприятствования, создаваемый властями, историки «коммунистического направления» на протяжении всего рассматриваемого периода по существу оставались маргиналами среди ленинградских историков. Более того, их вовлечённость во внутрипартийную борьбу 1920-х гг. в конечном итоге привела к тому, что число репрессированных среди истори-

Ил. 2. Отто Августович Лидак (1891–1936), директор Института истории ВКП(б). ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4505. Оп. 14. Д. 1447

Ил. 3. Семён Григорьевич Томсинский (1894–1938), профессор ЛГУ, чл.-корр. АН СССР. ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Гр. 55882

ков революции и ВКП(б) было по меньшей мере в полтора раза больше, чем в среднем среди изучаемого корпуса учёных. Среди историков-партийцев репрессировано было более половины.

Нельзя не отметить, что в целом масштабы репрессий против историков со стороны режима были очень существенны. По примерным подсчётам им подверглось порядка трети историков города (388 человек, некоторые были репрессированы неоднократно). Под репрессиями в данном случае понимается уголовное преследование со стороны власти по политическим мотивам (длительное или кратковременное лишение свободы, смертная казнь). Более «мягкие» формы репрессий, связанные с отстранением от работы или высылкой из страны, не учитывались. При этом около 60% репрессий произошло в изучаемый период, что составляет около трети от общего числа вошедших в базу данных. Другое дело, что основной «расстрельный удар» пришёлся уже за его рамками — в годы «большого террора». Из представленных данных видно, что несмотря на прогнозируемый рекорд 1937 г. основное число как арестов, так и арестованных (223 человека) приходится на изучаемый период (1917–1934), из них примерно половина была арестована в 1929–1931 гг. — эпоху «Академического дела».

Из выявленных 100 расстрелянных историков Петрограда—Ленинграда, входящих в нашу базу данных, в 1937–1938 гг. были лишены жизни 74 человека. Эти данные показывают, что наибольший масштаб репрессии носили, с одной стороны, в академических учреждениях (бывших опорой «старой школы») и, с другой стороны, в «новых советских» институциях. Список возглавляют такие учреждения, как Военно-политическая академия

Ил. 4. Абрам Григорьевич Пригожин (1896–1937). Профессор ЛИФЛИ, заместитель председателя ГАИМК

Ил. 5. Михаил Соломонович Годес (1901–1937), профессор ЛГУ, известный китаист. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 35

им. Н.Г. Толмачёва (60%), Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (60%), Библиотека Академии наук (57%), Коммунистический университет (56%). Как показывают материалы проекта, наиболее репрессированным (около 40%) оказалось «революционное поколение» историков, вступавшее на научную стезю в период войн и революций (1905–1922) (подсчитано по [1]). Среди расстрелянных историков молодого поколения много ярких фигур, таких как О.А. Лидак (1891–1936) (ил. 2), С.Г. Томсинский (1894–1938) (ил. 3), А.Г. Пригожин (ил. 4) (1896–1937), М.С. Годес (1901–1937) (ил. 5) и многие другие.

В то же время наши изыскания показывают главное: трансформации, репрессии, социальные катаклизмы не оборвали преемственность в основных профессиональных центрах исторической науки (см., например: [23]). В этом смысле предпосылки для того, чтобы в ленинградской исторической школе сохранились традиции профессионального ремесла и корпоративности, действительно были. Другое дело, что в условиях новой идеологической ситуации и контроля со стороны тоталитарной партии и государства они не могли не подвергнуться существенной деформации.

Разумеется, наше исследование открывает и дальнейшие перспективы изучения темы. Среди них как сравнительный анализ трансформаций «петербургской» и «московской» исторических школ, так и сопоставление ситуации в историографии с другими отраслями научного знания в ранний советский период. Наконец, дальнейшего рассмотрения заслуживает вопрос о том, в какой степени на структуры исторической науки Ленинграда повлиял «национальный поворот» советской историографии и политики памяти середины 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сетевой ресурс «Историки Петрограда-Ленинграда (1917–1934)» // Биографика СПбГУ / Отв. ред. Е.А. Ростовцев. Режим доступа: https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld.html (30.03.2021).
2. Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю. Изучение истории университета на историческом факультете // Клио. 2013. № 10. С. 4–5.
3. Ростовцев Е.А., Амосова А.А., Янченко Д.Г. Проекты по истории Санкт-Петербургского университета на историческом факультете // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 3. С. 203–206.
4. Потехина И.П. История Санкт-Петербургского университета как предмет коллективных исследовательских проектов // Клио. 2016. № 8. С. 14–21.
5. Ростовцев Е.А. Проблематика проектов по университетской истории и истории высшей школы (Санкт-Петербургский университет) // Новое прошлое. 2016. № 3. С. 145–157.
6. Сидорчук И.В. Биографика в контексте современных исследований по истории Петербургского университета // Международные отношения и диалог культур. 2016. № 4 (2015). С. 224–235.
7. Ростовцев Е.А. Информационные ресурсы как инструмент исследований по просопографии и исторической биографике (на примере сетевых проектов по университетской истории) // Научный вестник Крыма. 2016. № 4 (4) С. 1–9.
8. Сосницкий Д.А. Основные направления изучения истории Санкт-Петербургского университета в современной российской историографии // Клио. 2017. № 10 (130). С. 207–217.
9. Потехина И.П. Портал «Биографика СПбГУ» и новые возможности в изучении петербургской медиевистики // Средние века. 2018. Т. 79. № 3. С. 180–195.
10. Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920.
11. Платонов С.Ф. [Рец.: соч. Преснякова А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918] // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. Кн. 8. С. 99–100.
12. Валк С.Н. Выступление [на объединённом заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г.] // Проблемы марксизма. 1931. № 3. С. 114–115.
13. Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. «Петербургская историческая школа» XVIII – начала XX в.: историографический контекст и методы исследования // Былые годы. 2018. Т. 49. Вып. 3. С. 1046–1060.
14. Ростовцев Е.А., Потехина И.П. Школа А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. XXII. № 5. С. 12–37.
15. Ростовцев Е.А., Боднарчук Д.В. Историки Санкт-Петербургской духовной академии (1869–1917 гг.): опыт коллективного портрета // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 95. С. 70–93.
16. Баринов Д.А. Историки и оппозиция в Ленинграде (1920–30-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 3. С. 25–37.
17. Тихонов И.Л. Репрессии в ГАИМК: случай партийцев: С.Д. Димитрова и А.И. Кауля // Интеркультурная философия: полилог традиций: Сборник трудов конференции / Отв. ред.: А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 270–275.
18. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Публичная библиотека — центр исторической науки раннего советского периода // Клио. 2021. № 11. С. 165–178.
19. Андреева В.В. Забытое имя: судьба молодого историка и этнографа Евгения (Эйна) Соломоновича Лейбовича (1907–1937) // Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества. Доклады и материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции (Санкт-Петербург, 3–5 октября 2019 г.) / Отв. ред. В.В. Козловский, А.В. Малинов. СПб., 2019. С. 669–679.

20. Тихонов И.Л. Ленинградский историко-лингвистический институт: от кризиса к возрождению исторического образования // Вече. Ежегодник русской философии и культуры. СПб., 2021. С. 208–223.
21. Даудов А.Х., Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А. Борьба за историю. 80 лет историческому факультету СПбГУ // Родина. 2014. №10. С. 138–141.
22. Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н. Предисловие: [Ист. разд.] // Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованные ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению акад. С.Ф. Платонова. С. V–LX.
23. Жуковская Т.Н. Санкт-Петербургский (Ленинградский) университет в воспоминаниях, или Особенности университетской памяти // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии. VII Арсентьевские чтения (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова): Материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 18 сент. 2017 г.) / Редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2017. С. 128–132.

Historical Science of Petrograd–Leningrad Amidst Social Transformation (1917–1934)

Evgeniy Anatolyevich Rostovtsev — Doctor of Historical Sciences; Professor of St. Petersburg State University; head of the project "Historical Science of Petrograd-Leningrad (1917–1934): Centers, Areas of Research, Collective Biography" (19-011-00782).
E-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

Among the significant objects of research are the emergence of the discourse of the "St. Petersburg historical school" in the early Soviet period, the transformation of the system of scientific institutions and higher educational institutions of Petrograd-Leningrad associated with historical science, the evolution of the subject of historical research. The focus is also on the processes of termination of the historical-clerical and the emergence of historical-party science, the relationship of the historical community and government. The author offers the periodization of historical science in the early Soviet period.

The role of Petrograd/Leningrad University as the main center of historical science of the city is considered, the process of emergence and development of new "Soviet" scientific and educational centers is studied. The central element of research was prosopographic research, which made it possible to trace how the collective portrait of the corporation of historians changed. One of the directions of statistical calculations was the consideration of the dynamics and direction of political repression against historians who worked in Petrograd-Leningrad, about a third of them were subjected to repressions. Here, the most massive repressions hit the institutions of the Academy of Sciences, and, paradoxically, the new "ideological" Soviet institutions. Yet, prosopographic research shows that despite repressions and transformations, a high degree of continuity between different generations of historians was maintained in the institutions of Petrograd-Leningrad, and the main scientific schools formed in the pre-revolutionary period were also preserved. Reasonable assumption is put forward about the preservation of the traditions of professional crafts within the framework of Leningrad historical school, although subjected to significant deformation in the conditions of the totalitarian political regime.

Keywords: history of science, St. Petersburg Historical School, Soviet Historiography, Petrograd/Leningrad University, Academy of Sciences, Stalinism

REFERENCES

1. Setevoi resurs «Istoriki Petrograda–Leningrada (1917–1934)» // Biografika SPbGU / Otv. red. E.A. Rostovtsev. Rezhim dostupa: https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld.html (30.03.2021) (in Russian).
2. Daudov A.Kh., Dvornichenko A.Yu. Izuchenie istorii universiteta na istoricheskom fakul'tete // Klio. 2013. № 10. S. 4–5 (in Russian).
3. Rostovtsev E.A., Amosova A.A., Yanchenko D.G. Proekty po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta na istoricheskom fakul'tete // Vestnik SPbGU. Ser. 2. 2013. Vyp. 3. S. 203–206 (in Russian).
4. Potekhina I.P. Istoriya Sankt-Peterburgskogo universiteta kak predmet kollektivnykh issledovatel'skikh proektov // Klio. 2016. № 8. S. 14–21 (in Russian).
5. Rostovtsev E.A. Problematika proektov po universitetskoi istorii i istorii vysshei shkoly (Sankt-Peterburgskii universitet) // Novoe proshloe. 2016. № 3. S. 145–157 (in Russian).
6. Sidorchuk I.V. Biografika v kontekste sovremennykh issledovanii po istorii Peterburgskogo universiteta // Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur. 2016. № 4 (2015). S. 224–235 (in Russian).
7. Rostovtsev E.A. Informatsionnye resursy kak instrument issledovanii po prosopografii i istoricheskoi biografike (na primere setevykh proektov po universitetskoi istorii) // Nauchnyi vestnik Kryma. 2016. № 4 (4) S. 1–9 (in Russian).
8. Sosnitskii D.A. Osnovnye napravleniya izucheniya istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta v sovremennoi rossiiskoi istoriografii // Klio. 2017. № 10 (130). S. 207–217 (in Russian).
9. Potekhina I.P. Portal «Biografika SPbGU» i novye vozmozhnosti v izuchenii peterburgskoi medievistiki // Srednie veka. 2018. T. 79. № 3. S. 180–195 (in Russian).
10. Presnyakov A.E. Rech' pered zashchitoi dissertatsii pod zaglaviem «Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva». Pg., 1920 (in Russian).
11. Platonov S.F. [Rets.: soch. Presnyakova A.E. Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva. Ocherki po istorii XIII–XV st. Pg., 1918] // Mezhdunarodnaya politika i mirovoe khozyaistvo. 1918. Kn. 8. S. 99–100 (in Russian).
12. Valk S.N. Vystuplenie [na ob"edinennom zasedanii Instituta istorii i Obshchestva istorikov-marksistov v fevrale 1931 g.] // Problemy marksizma. 1931. № 3. S. 114–115 (in Russian).
13. Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A., Barinov D.A. «Peterburgskaya istoricheskaya shkola» XVIII – nachala XX v.: istoriograficheskii kontekst i metody issledovaniya // Bylye gody. 2018. T. 49. Vyp. 3. S. 1046–1060 (in Russian).
14. Rostovtsev E.A., Potekhina I.P. Shkola A.S. Lappo-Danilevskogo // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2019. T. XXII. № 5. S. 12–37 (in Russian).
15. Rostovtsev E.A., Bodnarchuk D.V. Istoriki Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii (1869–1917 gg.): opyt kollektivnogo portreta // Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. II. Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2020. Vyp. 95. S. 70–93 (in Russian).
16. Barinov D.A. Istoriki i oppozitsiya v Leningrade (1920–30-e gg.) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 27. № 3. S. 25–37 (in Russian).
17. Tikhonov I.L. Repressii v GAIMK: sluchai partiitsev: S.D. Dimitrova i A.I. Kaulya // Interkul'turnaya filosofiya: polilog traditsii: Sbornik trudov konferentsii / Otv. red.: A.V. Malinov, A.E. Rybas. SPb.: Intersotsis, 2020. S. 270–275 (in Russian).
18. Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. Publichnaya biblioteka – tsentr istoricheskoi nauki rannego sovetskogo perioda // Klio. 2021. № 11. S. 165–178 (in Russian).
19. Andreeva V.V. Zabytoe imya: sud'ba molodogo istorika i etnografa Evgeniya (Eina) Solomonovicha Leibovicha (1907–1937) // Akademik A.S. Lappo-Danilevskii v pamyati nauchnogo soobshchestva. Doklady i materialy Vserossiiskoi mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konfe-

rentsii (Sankt-Peterburg, 3–5 oktyabrya 2019 g.) / Otv. red. V.V. Kozlovskii, A.V. Malinov. SPb., 2019. S. 669–679 (in Russian).

20. Tikhonov I.L. Leningradskii istoriko-lingvisticheskii institut: ot krizisa k vozrozhdeniyu istoricheskogo obrazovaniya // Veche. Ezhegodnik russkoi filosofii i kul'tury. SPb., 2021. S. 208–223 (in Russian).
21. Daudov A.Kh., Dvornichenko A.Yu., Rostovtsev E.A. Bor'ba za istoriyu. 80 let istoricheskomu fakul'tetu SPbGU // Rodina. 2014. № 10. S. 138–141 (in Russian).
22. Anan'ich B.V., Paneyakh V.M., Tsamutali A.N. Predislovie: [Ist. razd.] // Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannye OGPU. SPb., 1993. Vyp. 1: Delo po obvineniyu akad. S.F. Platonova. S. V–LX (in Russian).
23. Zhukovskaya T.N. Sankt-Peterburgskii (Leningradskii) universitet v vospominaniyakh, ili Osobennosti universitetskoi pamyati // Paradigmy universitetskoi istorii i perspektivy universitetologii. VII Arsent'evskie chteniya (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.N. Ul'yanova): Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Cheboksary, 18 sent. 2017 g.) / Redkol.: O.N. Shirokov [i dr.]. Cheboksary: ID «Sreda», 2017. S. 128–132 (in Russian).